

Владимир Ценципер

Юрий Ценципер

Я люблю, и мне некогда!

Истории

из семейного

архива

Владимир Ценципер

Юрий Ценципер

Я люблю, и мне некогда!

Истории
из семейного
архива

издательство **АСТ**

москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ЦЗ8

Авторы выражают благодарность за помощь в работе над книгой
ИЛЬЕ ОСКОЛКОВУ-ЦЕНЦИПЕРУ и ПЕТРУ ФАВОРОВУ

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Ценципер Владимир.

ЦЗ8 Я люблю, и мне некогда! Истории из семейного архива / ВЛАДИМИР ЦЕНЦИПЕР,
ЮРИЙ ЦЕНЦИПЕР — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2015. — 304 с.

ISBN 978-5-17-090511-9

В основу этой книги легли материалы из семейного архива — воспоминания, дневники, письма, фотографии, а также документы из архивов НКВД-КГБ-ФСБ, познакомиться с которыми авторам удалось лишь в 1998–2000 годах. В результате получился рассказ о многих и многих людях, связанных семейными, профессиональными и дружескими узами. И шире — рассказ о XX веке, о том, как он отразился на конкретных человеческих судьбах, каким виделся не с высот исторической науки, а при непосредственном столкновении с его большими и малыми событиями. После революционные годы и романтика мечтаний о новом обществе, Большой террор и Вторая мировая, “оттепель” и освоение целины — все это так или иначе пережито героями книги, а теперь предстает перед читателем в подробностях и деталях, которые так легко могут быть стерты временем и уйти навсегда.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090511-9

- © В. Ценципер, Ю. Ценципер, 2015
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015
- © ООО “Издательство АСТ”, 2015
Издательство CORPUS ®

Оглавление

<i>От авторов</i>	9
Глава 1	
Ася Ужет. Детство	14
Витебск	18
В Москву	27
Артур Вальтер	34
Любовь	38
Глава 2	
Миша Ценципер	48
Знакомство	57
Последние дни Артура Вальтера	69
Член семьи изменника Родины	76
Глава 3	
Сталино и Буденовка	82
Рождение Володи	87
Перед войной	98

Поезда 1941 года	101
В хаосе	106

Глава 4

Дербышки	116
Дедушки и бабушки	129
Тарас	133
В тылу	137
Евгений Еремин	144
Леонид	151
Домой	154
1945-й	159

Глава 5

Неистовый директор	163
“Склиф”	168
Львов и Киев	179
Спекулянт	184
Юра. Школа	188
Володя. Школа	195
Измайлово	205

Глава 6

Юра. Институт	221
Реабилитация	224
Утраты	232
Короткие разлуки	234
Приключения педагога	237
Целина	243
“Лагерь и ссылка”	247
Алтай — Средняя Азия — Кавказ — Байкал	252

Глава 7

Юрин Космос. Юрина Земля	257
Иринка	260
Мамино зарубежье	265
М. Б.	268
Володя. Работа	273
Дербышки. Через сорок лет	276

Глава 8

Расставания	282
“Я не один”	287
“Радость тихая дышать и жить...”	289
“Я вас всех очень люблю”	293

От авторов

Эта книжка — о наших родителях.

Их жизни почти совпали с рамками XX века и поэтому, на наш взгляд, могут оказаться интересными не только тем, кто их знал и находился под обаянием их личностей.

Текст в максимальной степени построен на использовании семейного архива, содержащего многочисленные письма, документы, фотографии и другие материалы. Отец — Михаил Ценципер — всю жизнь испытывал страстный интерес к собиранию любых письменных свидетельств времени, что сохранило для нас массу интересных документов. Кроме того, в семье существовала традиция регулярно обмениваться письмами.

Кроме семейного архива мы использовали воспоминания, дневники, печатные публикации родственников, друзей и знакомых, а также документы из архивов НКВД-КГБ-ФСБ, доступ к которым мы получили в 1998–2000 годах, книги исследователя Коминтерна профессора Фридриха Фирсова “Секретные коды истории Коминтерна. 1919–1943” (2007) и “Секреты Коммунистического Интернационала. Шифропереписка” (2011), а также материалы Российского государственного архива социально-политических исследований (РГАСПИ).

Владимир Ценципер

Интерес к документам, письмам и прочему “бумажному” у меня, конечно, от отца. Я что-то всегда откладывал, вырезал, собирал. Раньше — совершенно не задумываясь. Теперь — задумываясь. Время пока есть.

Но все-таки надо вспомнить и историю создания конкретно этой книги. Книги-архива.

Первый толчок, связанный с интересом именно к архиву отца, помню отлично. Поразительна была оставленная отцом на видном месте, перевязанная бечевкой небольшая пачка бумаг с запиской “Уничтожить не читая”. Мы с моим братом Юрой, конечно, догадывались, что это за письма — история его первой любви. Было письмам около семидесяти лет! У отца не поднялась рука уничтожить их самому. Это была его история. Мы выполнили последнюю волю отца. Именно тогда я и начал размышлять обо всем архиве семьи. Надо привести его в порядок.

А за несколько лет до этого, незадолго до того как мамы — Аси Ужет — не стало, я буквально украл ее ранние-ранние дневники. Я никогда и не знал, что они существуют. Вернее, это были только фрагменты дневников, так как большую часть мама заодно с каким-то толстеньким конвертом уже уничтожила. Вместе с остатками дневника была и часть воспоминаний. Мама была в этом смысле совершенно другой, чем отец: у нее была установка: все, что можно, не сохранять — может быть, с 30-х годов.

Последние документы, появившиеся уже в нашем с Юрой архиве, тоже связаны с моим “воровством”. Тетка моя Адочка (Ада Борисовна Ценципер, сестра отца) начала чистку их семейных бумаг задолго до своего конца. Оставляла она только то, очень небольшое, что было связано с ее дочерью, нашей сестрой Иринкой. Кроме этих документов и фотографий Адочка долго хранила только военный дневник своего мужа Евгения

Николаевича Еремина. Дневник этот — маленькую толстенькую записную книжечку — я и увел у Адочки, когда она стала все окончательно подчищать перед своей смертью. Из близких людей около нее был только я. Тяжелая и очень одинокая смерть.

Уверен, что и мама, и Адочка мне эти поступки простили бы. Но сказать о них надо.

Вот с этих дневников — маминых конца 20-х годов и Евгения Николаевича 1941–1945 годов — я и стал постепенно разбирать наш семейный архив. По годам, по характеру — письма, документы, вырезки, газеты, публикации и так далее.

Основной рывок в систематизации архива, в приведении его в нынешнее состояние произошел тогда, когда я после МЭЛЗа (Московского электролампового завода) пошел работать в школу. Однажды, рассказывая и показывая что-то “архивное” ученикам, я увидел эти документы их глазами: ветхие, затертые, еле читаемые. При помощи ребят-добровольцев архив стал перепечатываться. Стали складываться папки по годам и по типам документов. В итоге — более сорока папок и еще примерно пятнадцать альбомов. Внутри папок — листы с напечатанными текстами. В конце каждого текста приклеен конверт с прозрачным окном. В конвертах — подлинники. Привел я в порядок и свои личные записи. В том числе воспоминания, написанные в 1970 году. Отрывки из этих воспоминаний частично использованы в этой книге. В 1970-м я назвал их “Золотые шары”, имея в виду цветы. Основания к этому у меня были.

Однажды, когда мы с Юрой были вместе и размышляли, что дальше делать с архивом, обоим пришла мысль: а что, если составить “Избранное”?! Это же слово мне уже приходило в голову, когда я показывал документы друзьям в Москве. “Избранное”. И началось!

В процессе этой работы возникла идея сделать самостоятельно десяток экземпляров. Опыт такой был у меня еще с 80-х годов. Затем захотелось издать это небольшим тиражом, но...

КНИГОЙ. Книга потребовала несколько другого подхода к материалу, но дело шло. Хотя и медленнее, чем хотелось. И еще одно: с самого начала очень многие искренне спрашивали: кому это нужно? Ответ и у Юры, и у меня здесь был одинаковый и очень простой: это нужно нам! А теперь, завершив наш труд, я уверен, что не только нам. Это история не только наша. Это и есть ИСТОРИЯ. А время этой работы — время счастья.

Юрий Ценципер

Я человек старой закваски. В моих руках — бумага, шариковая ручка, ножницы, клей.

После того как мы с Володей решили сделать эту книгу, у меня в комнате оказались десятки папок и альбомов. Голова пошла кругом — где их сложить, в каком направлении действовать. Сначала надо было все скопировать, а это — часы стояния у ксерокса, около двух тысяч страниц. Но самое главное — продумать содержание книги, ее разделы и главы. Решил идти в хронологическом порядке — от начала века, рождения родителей, их молодости, нашего с Володей рождения и далее, через войну, — к концу века.

В каждой из папок десятки, сотни писем и документов. Прочитав очередное письмо, брал ножницы и вырезал главное — то, что отражало характер, личные качества тех, кто писал и кому написано. Попутно затрагивались те или иные детали эпохи. Это был нелегкий труд, потому что нужно было многое сокращать, а почти каждая строка была дорога.

Первая запись появилась 25 января 2012 года. Но мало иметь эти вырезки из документов. Их надо было выстроить в определенном логическом коридоре, сделать связки, ремарки. По мере составления глав отсылал их Володе, который, в свою очередь, что-то изменял, многое дополнял, работал в государ-

ственных архивах, подбирал фотографии. Очень многое об-суждали по телефону. Но это был только остов задуманного. Стало ясно, что необходимо еще больше сокращать, шлифовать и уточнять.

Читая письма родителей, их воспоминания, а также вос-поминания родственников и знакомых, я все время открывал для себя что-то новое, чего не знал раньше. Благодаря письмам все рельефнее, глубже и тоньше раскрывались их черты. Бла-годаря этим письмам родители становились для меня все бли-же и ближе.

И через долгие годы свет и благородство их душ доходит до меня и помогает жить.

Глава 1

Ася Ужет. Детство

Из тетради воспоминаний:

Мои родители познакомились в Ковенской губернии в деревне Бобьяны. Мама приехала туда на лето, так как ее семья сняла дачу у одного зажиточного хозяина. Мама жила в городе Ковно, получила хорошее образование, бывала за границей и сильно полюбила одного русского офицера. Они решили бежать, но родители матери не допустили этого позора в богатом еврейском доме, офицера прогнали, ее заперли на несколько лет дома, следили, не отпускали ни на шаг. Женихов не стало.

И вот двадцатисемилетняя дева приезжает в деревню, где в нее влюбился сын хозяина дачи, совсем простой крестьянин. Но какой добрый, какой красивый! Как он любил ее! И мама неожиданно дает согласие стать его женой. Брак неравный. Она — из богатой семьи, образованная, культурная, он — почти неграмотный. Мама капризная, не приспособленная к жизни, считающая, что она осчаст-

ливила отца. Отец — всю жизнь преклоняющийся перед ней неудачник. Дон Кихот. За что только не брался, чтобы из бедности вылезти, но так ничего и не смог.

Родители — очень красивые оба. И всегда в доме культ мамы — “ей, бедной, жизнь не удалась”.

Помню ее всегда с книжкой, с мечтательным выражением лица и очень часто болеющую. У нее была язва желудка, она очень страдала, а во время приступов кричала так, что на улице слышно было. И вечно занятый, перед всеми нами виноватый папа. В чем виноват?

В Бобьянах помню наш длинный деревянный дом, в котором жило много народу: дедушка, бабушка (ковенские редко приезжали), наши двоюродные брат и сестра, и мы — пятеро. Леонид (Леня-Лея) родился через год после свадьбы, через два года — я и еще через два — Анатолий (Тонька).

Через дорогу от дома — лес, там мы играли, проводили целые дни. Помню хорошо, что как-то сын лесника, дом которого стоял напротив, забрался в отсутствие родителей на сеновал, закурил там, сгорел сам. Недельку горел наш лес, мы все это время были на улице, так как дома лопнули все стекла от жара, и мы боялись, что дом загорится.

Как горел наш лес, я никогда не забуду.

Летом мы играли на пепелище. Однажды Леня упал в яму, в которой “курили” смолу. Мы с Толей не могли никак его вытащить, а он стоял в яме на краю бочки, в которой была горячая смола. Я помню очень хорошо, как я бежала пепелищем, спотыкалась и падала на пни и сучья, поднималась и опять бежала, и кричала, и звала на помощь. Как мне было трудно, как я любила и жалела брата.

Я привела взрослых, они вытащили его, а дома дедушка нас троих очень сильно бил. Было очень обидно.

Мы все трое были очень дружны, были всегда вместе, всегда помогали и покрывали друг друга.